

ОПТИМИ ЗАЦИЯ

Дмитрий Владимирский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Владимировский

Оптимизация

«Автор»

2026

Владимирский Д.

Оптимизация / Д. Владимирский — «Автор», 2026

Меня зовут Макс. Мне 32. Ещё вчера у меня был отдел в «Севертеке», кредит на «Камри», подписка на «Яндекс Плюс» и жена, которая хотела в Дубай. Сегодня у меня есть только вкладка с вакансиями, пачка «Филип Морриса» и понимание, что я — не человек, а строка в Excel, которую кто-то выделил и нажал «Delete». Меня оптимизировали. Красивое слово, да? Как будто из меня убрали лишнее. Только вместе с лишним убрали зарплату, самоуважение и привычку не считать деньги до десятого числа. Я пытался быть хорошим. Писал отчёты, кивал на зумах, говорил «коллеги» людям, которых ненавидел. А потом в офис пришла девочка из HR с глазами убийцы и сказала: «Максим, мы вынуждены». А в акте стояла моя подпись. Только я её не ставил. Теперь я сижу на кухне и думаю: а что если продать не себя, а тех, кто меня выкинул? Не в смысле убить. В смысле — продать им их же схемы. Я знаю, где у них откаты. Я знаю, кто подписывал липовые акты. Я знаю, почему их «оптимизация» пахнет не экономией, а уголовкой.

© Владимирский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ВОСЕМЬ КАПСУЛ	5
ГЛАВА 1. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДАШБОРД	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Оптимизация

ПРОЛОГ. ВОСЕМЬ КАПСУЛ

Я всегда думал, что уволят кого-то другого. Ну там, Ленку из маркетинга, которая вечно в декрете, или Саню, который полгода не может закрыть сделку. Я же был нормальным. Я приходил вовремя, уходил позже. Я даже смеялся над шутками начальника. А потом в кабинет вошла эта девка из HR, села напротив, поправила очки и сказала: «Максим, у нас оптимизация». И я почему-то сразу подумал не о жене, не об ипотеке, а о том, что в кофемашине на нашем этаже осталось восемь капсул. Восемь. Кто их теперь выпьет, если всех сократили?

ГЛАВА 1. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДАШБОРД

Стоп. Давай по порядку.

Утро началось с того, что я проспал. Не сильно, минут на двенадцать, но в моей жизни эти двенадцать минут означали, что лифт я буду ждать вместе с курьерами, а в лифте «Севертека» курьеры пахнут так, будто они несут не пищу, а собственную судьбу. Я стоял, прижавшись к зеркальной стене, смотрел, как в отражении мой галстук выглядит дешевле, чем есть, и слушал в наушниках трек, который утром подsunул мне алгоритм. Трек был бодрый, с синтезаторами и текстом примерно о том, что всё будет хорошо. Я подумал: ну да, конечно. В 2026-м тебе всё скажет алгоритм, даже что ты счастлив.

В офисе пахло как всегда: кофе, моющим средством и лёгким отчаянием. На этаже было тише обычного. Не то чтобы совсем пусто, но как-то приглушённо, будто кто-то убрал звук на пульте. Люди сидели за столами и очень старательно смотрели в мониторы. Я тогда решил, что это потому, что сегодня защита квартальных показателей. Теперь я знаю: так выглядит этаж, на котором с утра прошло тридцать пять встреч с HR.

Я сел за своё место, включил компьютер и открыл дашборд. Дашборд — это такая корпоративная религия. Там есть цифры, и если цифры зелёные, ты хороший человек, а если красные — ты плохой человек. Мои цифры были зелёными. Я даже сделал скриншот и отправил жене. «Смотри, — написал я. — Я продуктивный». Она ответила смайликом. Потом, позже, я понял, что скриншот был сделан в 09:41, а в 09:38 систему уже обновили, и в новой версии моего профиля стоял какой-то странный коэффициент, о котором я никогда не слышал. Но об этом я узнаю только через две недели, и то случайно.

В 10:15 в общий чат упало сообщение от Виктории Штерн, директора по персоналу. Я её знал плохо. Видел пару раз на общих собраниях: высокая, худая, с маникюром цвета запёкшейся крови и голосом, которым обычно объявляют посадку на рейс, который отменили. Она писала: «Коллеги, в рамках повышения прозрачности процессов мы запускаем пилотный проект с ИИ-платформой "ПРЕДИКТ". Платформа анализирует эффективность и предлагает оптимальные решения. Просим отнестись с пониманием: это забота о каждом из вас».

Забота. Это слово я запомню. В корпоративном языке «забота» — это когда тебе говорят, что тебя сокращают, но делают это вежливо и с эмодзи.

В 11:02 мне пришло уведомление в календаре. Встреча на тридцать минут. Тема: «Обратная связь 1:1». Участники: я и Виктория Штерн. Место: переговорная «Байкал». Я посмотрел на это приглашение и почувствовал, как у меня холодеет что-то в районе желудка. Не потому что я знал. А потому что я не знал. Вот это самое страшное в офисной жизни — не увольнение, а приглашение на встречу, где тебе на неё намекнут.

Я зашёл в «Байкал» ровно в 11:02. Виктория уже сидела. Перед ней лежал ноутбук, рядом — стакан с водой, в котором не было воды. Она улыбнулась так, как улыбаются люди, которые прошли тренинг «сложные разговоры» и теперь уверены, что владеют эмоциями.

— Максим, присаживайтесь, — сказала она.

Я сел. Стул был неудобный, специально такой, чтобы разговор не затягивался.

— Максим, — повторила она, — у нас оптимизация.

Я посмотрел на неё и почему-то сказал:

— Ага. А кофемашина останется?

Она не поняла. Или сделала вид, что не поняла. Дальше она говорила минут семь. Слова были гладкие, отшлифованные, как камешки на пляже: «структурные изменения», «пересмотр ролей», «рынок», «вызовы», «мы благодарны за вклад». Я слушал и кивал, потому что так меня научили. Кивать — это базовая офисная функция. Потом она сказала фразу, из-за которой всё и завертелось.

— Решение принято на основании аналитики платформы. У вас коэффициент остаточной полезности ниже порогового значения. Вот здесь, — она развернула ноутбук, — видно динамику.

На экране был мой профиль. Моя фамилия, мой отдел, моя фотография — та, где я в рубашке, которую купил на распродаже. И цифры. Много цифр. Половину я не понимал. Там была шкала «вовлечённость», и она была почти на нуле. Там было «своевременность закрытия задач» — 34 процента. Там было «качество коммуникации» — красная зона.

Я смотрел на это и чувствовал, как во мне поднимается что-то очень простое и очень злое. Я закрывал задачи в срок. Всегда. Я отвечал на сообщения быстрее, чем скорая. Я даже в отпуске заходил в чат, потому что иначе «неудобно перед командой».

— Это ошибка, — сказал я.

— Система не ошибается, — ответила Виктория с интонацией человека, который никогда не пользовался системой.

— Система ошибается ровно настолько, насколько ей дали ошибиться.

Она посмотрела на меня внимательнее. На секунду мне показалось, что в её глазах мелькнуло что-то человеческое. Не жалость. Скорее оценка. Как будто она прикидывала, насколько я могу стать проблемой.

— Максим, — сказала она мягко, — давайте не будем превращать это в конфликт. У вас есть возможность уйти по соглашению. Две зарплаты, спокойный уход, рекомендация. Или мы расстаёмся по сокращению, и тогда три месяца поиска работы превращаются в три месяца с отметкой в трудовой.

Я сидел и думал о том, что в этот момент где-то в соседнем кабинете сидит человек, который уже знает, что получит моё место. Я ещё не знал его имени. Но я почему-то был уверен, что у него всё хорошо с «качеством коммуникации».

— Дайте мне акт, — сказал я.

— Какой акт?

— Тот, на основании которого меня оптимизируют.

Она достала из папки лист. Один лист. Обычный, белый, с логотипом компании, с моей фамилией, с подписью внизу. И я увидел там подпись. Мою. Такую, какую я ставлю на документах с 2019 года, когда мне выдали электронную подпись и сказали, что теперь всё будет удобно.

Я не подписывал этот акт. Я вообще впервые его видел. Но подпись была моя. И в этот момент я перестал быть человеком, которого уволили. Я стал человеком, которого подделали.

Я положил лист на стол, сложил руки и сказал максимально спокойно, насколько мог:

— Виктория, а вы знаете, что подделка электронной подписи — это статья?

Она улыбнулась. Но улыбка была уже другая. Не трениговая. Настоящая, холодная, как лёд в стакане без воды.

— Максим, — сказала она, — вы сейчас подпишете соглашение. Или мы отправим этот акт в службу безопасности, где выяснится, что вы сами его и подписали. У нас есть логи.

— У меня тоже будут логи.

— У вас не будет доступа, — сказала она. — Вы уже не сотрудник. Вы вообще никто с 11:30.

Я посмотрел на часы. Было 11:29.

И вот тут, в эту самую минуту, я почему-то вспомнил про восемь капсул в кофемашине. Восемь. Я всегда пил третью. Не первую, не вторую, а третью, потому что первая слишком горькая, а вторая — уже чья-то. И я подумал: интересно, кто теперь будет пить третью.

Я встал. Взял со стола акт и сложил его вчетверо. Виктория дёрнулась, но я уже понял: она не будет отбирать. Потому что отбирать бумагу — это шум. А в «Севертеке» не любят шум.

— Хорошего дня, — сказал я.

— Максим, вы понимаете, что это ничего не меняет?

— Понимаю, — сказал я. — Но я хотя бы почитаю на досуге.

Я вышел из «Байкала» в коридор, где пахло тем же кофе и тем же моющим средством. За стеклянной перегородкой сидели люди, которые уже знали. Они не смотрели на меня. Все очень старательно смотрели в мониторы. И только Ленка из маркетинга — та самая, которая вечно в декрете, — подняла глаза и одними губами сказала: «Держись».

Я дошёл до своего места, сел и открыл почту. Написать жене? Позвонить? Я открыл чат и увидел, что мой доступ уже ограничен. Не отключён, а именно ограничен: я видел список чатов, но не мог открыть ни один. Это как стоять перед окном, за которым горит свет, а двери нет.

Я взял коробку. Обычную офисную коробку из-под бумаги, которую кто-то заботливо поставил рядом с моим столом. В ней лежали мои вещи: кружка, зарядка, степлер, который я украл в 2021-м, фотография Алины в рамке. Восемь лет карьеры поместились в коробку тридцать на сорок сантиметров. Я посмотрел на неё и подумал: за это время я успел купить «Камри» в кредит, поменять три айфона, съездить в Турцию дважды и один раз в Сочи. И всё это теперь помещается в коробку.

В наушниках всё ещё играл тот утренний трек. Алгоритм был прав: всё действительно будет хорошо. Просто не у меня.

Я вышел из офиса в 11:47. На улице было плюс четыре и ветер. Такси не ехало. Я стоял на остановке, прижимал к груди коробку и смотрел в телефон, где в почте уже висело письмо от HR с темой «Ваше расставание с компанией: следующие шаги». Внутри было три ссылки и один PDF. В PDF на третьей странице был тот самый акт. И моя подпись.

Я открыл его, приблизил подпись и понял, что не могу отвести взгляд. Она была идеальная. Абсолютно моя. И это было хуже всего: не то, что меня уволили, а то, что для этого даже не нужно было моё согласие.

Мимо проехала машина, из окна грохотал трек, который я слышал в каждой кофейне последние два месяца, — что-то про то, как всё сгорит и возродится. Я проводил её взглядом и подумал: ладно. Если они решили, что я строчка в дашборде, то я буду строчкой, которая умеет читать.

В кармане завибрировал телефон. Алина.

Я не взял. Не потому что боялся соврать. А потому что ещё не придумал, какую именно ложь мне придётся повторять ближайшие три месяца.

Коробка была тяжёлая. Ветер сдувал с неё скотч. Где-то на дне лежал акт, сложенный вчетверо, и я вдруг отчётливо понял, что это не бумага. Это входной билет. Только я пока не знал, куда именно он ведёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.